СФЕРА ПРАЗДНИЧНОГО – ЗОНА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО

УДК 13

И.Н. ЛАВРИКОВА

Праздник без политики становится пустым и бесплодным, политика без праздника – ограниченной и низменной [8, с. 142].

Для того чтобы выяснить возможности *политико-идеологической «эксплуатации»* института праздника [5], а также обосновать крайнюю приблизительность контроля за его развитием через рычаги непосредственного воздействия, я обратилась к уже существующим определениям праздника. Считаю необходимым оговорить, что имеющиеся концепции, по сути, являются промежуточными попытками формализовать этот сложнейший, где-то закрытый, «ускользающий», но столь укорененный в жизни человека феномен.

Подтверждение этому я нашла и в монографии А. В. Бенифанда, где автор указывает, что слово «праздник» в литературе разного рода «...имеет множество различных значений, порой противоречащих друг другу». При этом оно «...часто употребляется для характеристики эмоциональных состояний (праздник чувств, эмоций, души, сердца)», показывая «лишь одну его грань: праздничное, эмоционально окрашенное состояние, вызванное особым приподнятым настроением» [1, с. 10].

Обратимся к некоторым из принятых на сегодняшний день толкований феномена. Например, в русском энциклопедическом словаре библиографического общества «Гранат» дано определение праздника в связи с религиозными мотивами [13, с. 300–302]; Ф. А. Брокгауз, А. И. Ефрон различают религиозные и светские праздники [2, с. 940]; В. И. Даль вывел понятие «праздник» из понятия «праздность», праздный – порожний, свободный [3, с. 380]. М. Фасмер считает, что понятие «праздный» заимствовано из исконно русского понятия «порожний» [10, с. 353]. Есть мнения, что понятие «праздник» в русском языке произошло от древнеславянского «праздь», означающего безделье, отдых [14, с. 388].

Одним из традиционных считается определение праздника, предложенное И. М. Снегиревым: *праздник как антитеза трудовых будней и проявление свободной жизни.* «*Самое слово «праздник»,* – писал он [9, с. 5], – выражает *упразднение*, свободу от будничных трудов, соединенную с веселием и радостью. Праздник есть свободное время, обряд – знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий; последний содержится в первом».

Ключевое значение слова «праздник»: определенный период времени (час, день или дни), заполненный бездельем; характеристика свободного времени, когда отмечают что-то выдающееся-выделяющееся из потока других событий. Последнее оформляется соответствующими символами – обрядами или ритуалами, т. е. художественно-выразительно обставлено, к тому же это время всегда необычайно радостно или торжественно.

Сверхзадача праздника – осуществить в структуре сознания некие превращения, невозможные в обыденные, занятые трудом дни, поэтому праздник нуждается в особой душевной или психологической настроенности, он же ее и усиливает.

С давних пор и до нашего времени праздник является не только видом досуга, это не просто отдых, а время формирования общечеловеческих договоренностей в понимании свободы, радования и т. п., которые предстают благодаря празднику не как исключительные состояния, а как часть жизни – равноправная и существенно необходимая. Именно поэтому праздник – это вид свободной деятельности людей, в идеальном случае собравшихся добровольно. Отмечу, что только при таких условиях праздник позволяет общаться свободно, создает условия для коллективных переживаний и устремлений, которые на время как бы стали реальностью. Именно праздник дает ощущение полноты жизни (индивидуальной и коллективной), позволяет пережить гармонию с собой и со всем окружающим. Праздник дает людям удовлетворение избыточно, что в будничных условиях подавляется или игнорируется. Праздничные отношения становятся своеобразной «разрядкой напряженности», которая накапливается обыденно, и вместе с тем они позволяют прикоснуться к счастливой жизни.

Существуют разные типы праздников, но все они в большей или меньшей степени основаны на *добровольном согласии принимать и выполнять правила праздничной жизни*, не сводя ее к материальной пользе.

При таком подходе институт праздника отнюдь не лишается практического смысла и целесообразности, скорее, наоборот, он приближается к своей природной сути – *моделированию способов истинно человеческого общения в сфере свободного времени*.

Фактически данная теоретическая абстракция является еще одним определением праздника, раскрывающим существенный момент его содержания, а именно, *праздник как соединение людей узами общности, порождение чувства свободы и коллективности*. Только праздник позволяет конкретно, чувственно ощутить единство и общность, открыто демонстрировать себя и в таком же качестве видеть других. Именно поэтому праздник является личным опытом почти всех, ведь нет таких людей, кто не пережил хотя бы один раз в жизни состояние праздничности, а пережив, не связывал бы с ним представления о свободной и по-своему счастливой жизни. Именно в это особое время мы переживаем то особое настроение, когда, провозглашая радостное «да» определенному событию, мы утверждаем целостность жизни. Праздник как попытка избавить человека «от узко утилитарного или односторонне будничного отношения к жизни» [6, с. 12], позволяет задержать мгновенное состояние праздничности, зафиксировать его не завтра и не там где-то, а именно «здесь и теперь».

Новые исследования праздника в силу неисчерпаемости феномена дадут новые характеристики, но его универсализации, полагаю, добиться сложно. В пределах поставленной задачи, мне видится некоторая причина, объясняющая суть этой природной «несхватываемости», на основании которой представляется возможным выработать определенную методологию моделирования праздника в сфере политико-идеологического. В данном случае речь идет как минимум о двух ключевых позициях, максимально и формирующих, и характеризующих природу праздника. К ним я отношу следующее: *первое, это особый род экзистенции – праздничная экзистенция, укорененная в самом празднике. Благодаря ее существованию праздник возрождается. Вторая основа существования праздника – добровольность существования в нем, порожденная его игровой составляющей. Именно эта составляющая становится источником искреннего радования; в противном случае праздник будет «рассыпаться», терять свой природный смысл, а участвующие в нем радость будут имитировать.*

Фиксируя свое внимание именно на этих составляющих, допускаю, что можно создать политическую модель праздника, точнее, проанализировать в нем баланс игрового и неигрового, то есть политико-идеологического. А далее, в моем представлении, управление указанным балансом и будет основным рычагом воздействия на состояние праздника и, как следствие, на возможность эффективного, в смысле максимально прогнозируемого управления одним из древнейших институтов человеческих взаимоотношений, в чем, собственно, и видится основной идеологический и политический интерес в сфере праздничного.

Итак, попробую выдвинуть некоторые версии-обобщения, которые и позволят вычленить неигровую компоненту праздника. Оговорюсь, что при анализе такого плана выводы логичнее осуществлять на фоне противоречия «неигровое»-«игровое».

Основание первое

Исходя из сути «игрового», человек играет или не играет, при этом выбор – принимать или не принимать правила – делает сам, то есть добровольно (1). Кроме того, он сам, то есть добровольно, принимает решение, выбирать или не выбирать игровой инструмент – игрушки (2). Допускаю, что последнее (2) можно принять частью основных правил (1). Далее будет понятно, зачем я это вычленение делаю.

«*Неигровое» – отвлекающее:* человек сам становится инструментом – политической игрушкой. В таком случае человек делает выбор, подчас недобровольно, но принудительно, становиться или не становиться игрушкой. Последнее состояние есть его основная роль в руках устроителей-заказчиков праздника.

Рассмотрим праздник в качестве площадки для игры, которая по определению не имеет цели, и отвлечения (не-игры), имеющего, например, цель воспитательную. В таком случае игра (без цели) дарует удовольствие, радость, наслаждение, проживание свободы и пр. (3).

В качестве комментария к (3) использую выводы Л. Т. Ретюнских. Например: «Если игра бесцельна по отношению к иным формам бытия, то удовольствие, получаемое от игры и в процессе игры, составляет ее внутреннюю, единственно значимую цель. ...Игра есть тот вид удовольствия, который доступен всем, игры... могут быть "плохими" и "хорошими"; нести благо и зло, учить, лечить душу, помогать..., обозлить, искалечить и т. д.; каждый сам выбирает свои игры, а выбор определяется множеством факторов. Неизменным

остается только нацеленность игры на получение удовольствия... Игры без удовольствия не бывает...» [7, с. 106].

Е. Финк, перечисляя все переживания-удовольствия, даруемые игрой, представляет их в высших, крайних формах проявления — радость, наслаждение, блаженство [11, с. 381].

Даже смысл, «привнесенный туда субъективными переживаниями игроков», согласно Л. Т. Ретюнских, может стать источником игрового удовольствия.

Очень важно оценить волевую направленность человеческих побуждений в границах «хочу» и «должен». По мнению Л. Т. Ретюнских, участие в игре «определяется только словом "хочу", но никак не "должен". ...Если уж вступил в игру, то "хочу"... превращается в добровольное, радостное и приятное "должен"... *Любое действие, наполняемое смысложизненным содержанием, теряет игровой характер*. Стоит перенести поиск смысла жизни в контекст игры, как она разрушается, пропадает...» [7, с. 110–114].

Не-игра, имеющая вполне определенную цель, становится механизмом, например, воспитания. Как механизм, «неигровое» канализирует эталоны поведения, становится средством идеологического воздействия, способствует «свыканию» с состоянием (ролью) игрушки (4).

Таким образом, состояние праздника зависит от баланса между игрой и не-игрой, что прежде всего определяется:

- общим уровнем культуры празднующих;
- степенью их свободолюбия;
- уровнем образованности;
- возможностью реализовать права и свободы;
- самоуважением и цельностью граждан.

Ведь неслучайно Е. Финк замечает, что игровой мир «...столь же вовне, в качестве воображаемого пространства, границы которого знают и соблюдают объединившиеся игроки, сколь и внутри: в представлениях, помыслах и фантазиях самих играющих» [11, с. 376].

Полагаю справедливым сказанное Е. Финком переложить на праздник, значительная и значимая часть которого заполнена игрой.

В таком случае:

- умение ограничить воображаемое пространство является следствием самоуважения и цельности;
- умение договариваться реализуется в правилах проживания свободы. В свою очередь, формирование этих правил, впрочем, как и их разнообразие, определяются уровнем культуры игроков и оцениваются в пределах: «интересно» — «неинтересно», «примитивно» — «непримитивно», «захватывающе» — «незахватывающе» и пр.

Скажем, при тотальном контроле за обществом игру возможно в праздник «включить», но при условии крайней примитивизации ее правил. Элемент игры в празднике необходим, иначе играющие не проживают удовольствия, как следствие, праздник потеряет привлекательность даже для малообразованных. Очевидно: игра по примитивным правилам консолидирует малообразованных.

Полагаю, что в обществе с низким уровнем культуры сращивание играющего «Я» и «Я» игрового мира желательно. Ведь именно тогда, проживая в хроническом счастье и удовольствии, человек перестает разграничивать истинное и ложное. Необходимое условие — вечная игра непрекращающегося праздника: отождествляя «как бы реальное» с реальным, можно даже вплотную приблизиться к мечте о вечном счастье, сделать его явью и в нем существовать. Достойный пример «вселенской» манипуляции, по Е. Финку, — предельно абстрактная всеобщность в качестве универсальной филантропии — «обнимитесь, миллионы, в поцелуе слейся, свет» (по аналогии с «в унисон стучат сердца»), хотя весь опыт мировой истории доказывает, что «изначальные, подлинные переживания общности всегда избирательны» [11, с. 384].

В противопоставлении «игрового» и «неигрового» есть еще один важный, с моей точки зрения, нюанс: суть их связи с иллюзиями. В первом случае, *сама игра обманом не является*, но пользуется иллюзионистскими эффектами, чтобы показное использовать как средство выражения. *Иллюзии «неигрового»*, по моему мнению, есть *намеренный обман*, подмена, скрытая или откровенная манипуляция, особенно в случае массового праздника.

Техническая регламентация свободного времени, то есть времени, не занятого ни трудом и ни политикой, есть характерная данность нашей индустриальной эпохи. Неслучайно в условиях экзистенциального вакуума возникает скука, когда можно и не трудиться (это успешно делают машины), и реализована потребность в отдыхе. Именно на стерильное свободное время, на период вне труда и отдыха и рассчитан массовый праздник, как элемент «идеологической войны», как крупномасштабная обработка сознания посредством праздничного «неигрового».

Основание второе

Праздник — это то, что традиционно. Следовательно, праздник, особенно массовый, является видом «эксплуатации» того, что привычно и понятно. И игра, и не-игра, будучи компонентами праздничного мероприятия, должны быть привычны, так как в противном случае празднество не будет в должной мере восприниматься основной массой народа и даже, скорее всего, отторгаться.

Для внедрения непривычного, по моему мнению, используется пространство «неигрового», так как именно не-игра может содержать силовые «указания» на это непривычное, иначе, выполнять функцию проталкивания или насаживания иного, другого, неизвестного. Естественно, при таком подходе (по сути, нажиме) человек вынуждается к договору с непривычным, становясь игрушкой в условиях этого непривычного. Как результат, ощущение праздничного не проживается, радость имитируется, а сам праздник в конечном счете оценивается как несостоявшийся.

Если игру представлять в качестве этического навыка, то исследуя праздник в такой двухкомпонентной системе, необходимо учитывать, что культура, как результат этического или морального навыка, меняется очень медленно, и гораздо медленнее, чем идеология.

В таком случае неприятие праздника «грозит» механизмами продавливания изменившегося (обновленного) идеологического. Особенно массовый праздник становится эффективным средством манипулирования. Прежде всего, речь идет о массовой идиотии через примитивизацию условий «игрового», то есть внедрения игры другой, на новых, более понятных условиях. Кроме того, возможна и примитивизация потребностей, реализуемых благодаря «игровому» (достижимость удовольствия, счастья и свободы). Примером тому «праздничные неудачи» в современной России как следствие укорененности коммунистических привычек советского периода.

Основание третье

Ключевые требования к празднику со стороны его «заказчиков» сводятся, в символике Э. Канетти, к следующему: во-первых, проводимое мероприятие должно быть «гладким» (5), и, во-вторых, оно должно быть «причесанным», в смысле выстроенным (6). Оба требования успешнее и эффективнее смогут проводиться через компоненту «неигровое», в связи с ее восприимчивостью к общественным переменам по сравнению с этическими навыками, то есть через компоненту «игровое».

Указанные положения требуют разъяснения. Проводя аналогии между органами человеческого тела и функциями власти, Э. Канетти пришел к выводу, что «главнейшим элементом власти, которым снабжен человек..., являются зубы. ...Гладкость и строй как очевидные свойства зубов перешли в сущность власти вообще. Они стали неотъемлемы от власти, и это первые качества, отчетливо проявляющиеся в любой ее форме» [4, с. 226–227].

Итак, мания «гладкости» (5) «...в языке выражается напрямую, когда говорят: все идет гладко, работает гладко... Человек полностью и беспрепятственно контролирует процесс, о каком бы процессе ни шла речь... Все говорят о функциональности, ясности, полезности, но в действительности торжествует гладкость и скрыто содержащийся в ней престиж власти». Применительно к институту праздника, полагаю, это есть процедура по внедрению «нужных» эталонов поведения, ценностей и т. п.

«Причесанность», или строй, стройность, упорядочение (6) в празднике есть не что иное как органы контроля за порядком, которые, в аналогиях Канетти, гарантируют «равенство всего ряда зубов, четкость промежутков, отделяющих друг от друга». По мнению Канетти, именно устройство рта стало образцом для многих форм строевого порядка. «...Выпадение некоторых из них [зубов] и связанные с этим болезненные последствия заставляли задуматься о важности строя». И далее: «Вряд ли можно ошибиться, предположив, что смутный образ пасти воздействовал на организацию тюрем».

Полагаю, приведенные аргументы достаточно весомы, чтобы принять «неигровое» в качестве канала для властного воздействия на развитие праздника. Интерес к силе праздника вполне оправдан: в любом обществе *то, что может быть опасным для власти, должно быть контролируемым, организованным и перераспределенным с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать, блокировать влияние, обуздать непредсказуемое, избежать угроз.*

В обществе, подобном нашему, самой очевидной и привычной является процедура в виде запрета. При таком положении вещей хорошо известно, что «...говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и... не всякому можно говорить о чем угодно». А областями, как пишет М. Фуко, где «...решетка запретов

наиболее уплотнена», является в том числе и область политики [12, с. 51–52].

Действительно, власть ставит целью определить условия проведения запретов в действие, чтобы навязать индивидам, существующим в данных сферах, некоторое число правил и сделать так, чтобы не всякому, кто захочет, был открыт к ним доступ. Например, к организации праздника никогда не будет допущен тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям властей (5) или же с самого начала не имеет на это права. Не все области праздника одинаково открыты и проницаемы; некоторые из них являются в высшей степени запретными (6), и поскольку праздники «даруют» различного вида довольствия, то «...власти свойственно... быть репрессивной и с особой бдительностью подавлять всяческую бесполезную энергию, интенсивность удовольствий и всякого рода неупорядоченное поведение» [12, с. 106].

Используя так называемые «полиморфные техники» (отказы, дисквалификации, побуждения, интенсификации и пр.), власть добирается до самых тонких и самых индивидуальных поведений, достигает редкие и едва уловимые желания, пронизывает и контролирует даже повседневное удовольствие, не говоря о праздничном.

Власть организует (усиливая запреты) «любопытствующие присутствия», разного рода близости; она постоянно обследует и наблюдает, вымогает признания, инициирует «игру интенсивных ощущений» [12, с. 143]. Но, поскольку до сих пор самой распространенной формой «возбуждения» и поддержания праздничного мироощущения является праздник, то и внимание к этому, одному из древнейших и постоянно возобновимому виду отношений, вполне объяснимо.

Таким образом, выстраивая политическую модель праздника, необходимо четко представлять, что в неигровую часть праздника входит система мероприятий, начиная от муштры профессиональных кадров для подготовки и проведения (включая цензурировано-эталонированный сценарий, символику и т. п.), что гарантирует «гладкость» проведения действа, и заканчивая органами охраны, поддерживающими необходимую его «стройность». Абсолютное же «повелевание» праздником через непосредственные, свойственные его природе рычаги воздействия — людской ресурс, планирование, сверхзадачи — неосуществимо. Праздник предсказуем и контролируется наиболее эффективно через факторы опосредованные — воспитание, образование, сферу экономического и т. п. Крайняя степень воздействия на него властно-силовая — запрет проведения. Более того, от баланса «игрового» и «неигрового» зависит праздничная «осуществленность»: возможность проживания людьми искренних эмоциональных состояний на момент участия в празднике. В противном случае мы будем иметь лишь жалкое подобие или имитацию радования, особенно в случаях массового, национального праздника, что недопустимо, так как в случае накопления неудовольствий праздник может перерасти в бунт.

1. Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. XXIV.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. М., 1955. Т. III.
4. Канетти Э. Масса и власть. Пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. М., AD, MARGINEM, 1997.
5. Лаврикова, И. Политический праздник: культурфилософская интерпретация. Монография [Текст] / И. Лаврикова. Saarbrűcken, Germany : LAP, 2012.
6. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. М. : Наука, 1978.
7. Ретюнских Л.Т. Философия игры. М. : Вузовская книга, 2002.
8. Роднянская И.Б. «Кокс Х.Г. Праздник шутов. Теологический очерк празднества и фантазии». М., 1976.
9. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. М., 1837.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964.
11. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М. : Прогресс, 1988.
12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М. : Касталь, 1996.
13. Энциклопедический словарь русского библиографического общества «Гранат». М., 1897. Т. 33.
14. Zygulski K. Swieto i Kultura (Swieta dawne i nowe Rozwazania socjologa). Warszawa, 1981.